

ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Виталий Седнев



«Этот экономический кризис во многом напоминает коллапс советской системы, свидетелем которого я был. И тогда и сейчас люди не понимали, что происходит».

Джордж Сорос,
выступление в Колумбийском
университете 20 февраля 2009 г.

В конце 1991 года в момент распада СССР Леонид Кучма назвал только что созданное СНГ способом мирного развода постсоветс-

ких государств. С тех пор прошло 17 лет. Казалось бы, окончательный развод состоялся, где мирный, а где немирный. Прибалтика ушла в ЕС и НАТО, пятидневная война РФ с Грузией в августе 2008-го, газовые войны с Украиной, непризнание Абхазии и Южной Осетии союзниками РФ по СНГ — есть верные знаки распада прошлого единства.

Сегодня все постсоветские страны остро переживают последствия мирового кризиса. Политики и биз-

нес задаются вопросом, к чему приведет удар кризиса? К окончательной дезинтеграции стран бывшего СССР? Или к появлению новой конструкции, принципиально отличающейся от советского опыта? Или кризис ведет к возвращению доминирующей роли России?

У экспертного сообщества пока нет прямого ответа на эти вопросы. Мы застали момент быстрых решительных изменений, происходящих не по чьей-то воле, происходящих

как стихия. Пока «Божий скальпель» кромсает мир, вектор не виден. Все страны заняты решением текущих задач. Как отметил Сергей Алексашенко, выступая на Красноярском экономическом форуме, невозможно, находясь внутри истории, дать точное определение происходящему.

Исследование постСССР — это международный опрос экспертов в момент «растерянности», когда нет готовых ответов и определений. Как отметил Сорос, «люди не понимают, что происходит». Момент «растерянности» экспертного сообщества, отсутствие готовых идеологически заданных определений происходящего открывает нам путь к субреальности: к ожиданиям, страхам, стремлениям и догадкам, которые будут создавать мир будущего. В начале XX века американский социолог Уильям Томас сформулировал знаменитую теорему: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям». Исследование постСССР застало момент коллективного размышления о будущем, в этом его прогностический смысл.

Как мыслится текущая ситуация? При всем разнообразии мнений экспертов, можно увидеть общие линии размышлений.

Новое открытие общности

В момент кризиса стало очевидно, что все наши страны продолжают существовать на советском фундаменте. У нас общая инфраструктура: нефтегазопроводы, дорожная сеть, жилищный фонд и ЖКХ, энергетика всех наших стран большей частью созданы в советское время. Как бы ни расходились пути РФ и Украины, общая газовая труба заставит договариваться. Большинство производственных мощностей наших стран также созданы во времена СССР. Новых предприятий немного, а «советские» технически и морально устарели. Обветшавшее советское технологическое наследство ставит наши страны перед общим радикальным вызовом: либо деиндустриализация в ходе мирового кризиса, либо мощное обновление производственного потенциала, а значит, боль-

шие инвестиции. Запрос на будущие инвестиции — общий запрос, условие для конкуренции, либо для интеграции. Советский фундамент — это не только устаревшая техника. Это еще и технологии управления, которые также в значительной степени взяты из прошлой эпохи. Управленческое мышление, модели управления каждой из наших стран во многом построены на советском опыте. «Разрыв» управленческой модели с реальностью, недоразвитость институтов самоуправления компенсируется широким распространением коррупции в наших странах. Инновации в моделях государственного управления — общий запрос наших стран, обострившийся в дни кризиса.

Три центра силы

Интересно, что через 17 лет после распада СССР эксперты видят на постсоветском пространстве три центра влияния. Есть три самостоятельных полюса: Россия, Украина и Казахстан. Три полюса — три модели развития, три центра притяжения, субрегионального влияния и конкуренции. Появление трех центров вместо одного можно считать радикальной инновацией постсоветского пространства, которая стала остро ощущаться именно сейчас, в ходе мирового кризиса. На протяжении многих лет существовал «шаблон» восприятия постСССР — это зона интересов Москвы, при той или иной степени противостояния с другими мировыми игроками (ЕС, США, Китай). Оказалось, что на пространстве бывшего СССР появились два новых игрока с геополитическими амбициями, выходящими за национальные рамки, и экономической мощью, позволяющей вести экспансию: Киев и Астана. Предположение многих экспертов состоит в том, что будущее постсоветского пространства определится не «разделом влияния» между Москвой и мировыми державами, а активной политикой трех сил: Москвы, Киева и Астаны. Возникнет ли новая ось взаимодействия, или три центра будут конкурировать со ставкой на поддержку мировых сил? В оценке антикризисных действий Пра-

вительство Москва и Астана воспринимаются как успешные, Киев как неуспешный, что вес и роль Украины как активного игрока не умаляет. Эксперты обращают внимание на потенциальную мощь Украины. Прибалтика не воспринимается как самостоятельный центр инициативы, в глазах экспертов Прибалтика — это «задворки Европы».

Полигон мирового кризиса

Эксперты обращают внимание на общий длительный кризисный опыт наших стран. Если для Европы нынешний системный кризис — первый за последние 60 лет, то наши страны за последние 20 лет переживают «третий удар»: распад СССР, Азиатский кризис 1997–1998 гг., и сегодняшний мировой кризис. Мировой кризис переживается нашими странами острее, чем в США или Западной Европе. Постсоветское пространство можно рассматривать как ПОЛИГОН КРИЗИСА. Процессы здесь идут острее, заходят дальше, антикризисные действия правительств быстрее дают явный положительный или отрицательный результат. Все, что происходит с нашими странами, имеет прогностический характер для мира. Мы сможем быстро увидеть и оценить, какие страны эффективнее: демократические или авторитарные, закрытые или открытые, централизованные или децентрализованные.

Эксперты все чаще видят истоки мирового кризиса XXI века не в ипотечном кризисе в США, а в событиях, которые произошли значительно раньше. Сначала был кризис социалистической плановой модели, распад СССР, затем пришел кризис современного капитализма и мировых финансов — все чаще эти события рассматриваются экспертами как последовательно сменяющие друг друга этапы одного общего кризиса. И перспектива выхода из кризиса в этой перспективе отодвигается все дальше.

Наши страны переживают сегодня уже третью фазу кризиса, поэтому постсоветское пространство может рассматриваться как полигон. Полигон для отработки антикризисных мер и моделей посткризисного

мира. ПостСССР может рассматриваться как полигон отработки инноваций.

Джордж Сорос говорит, что нынешний мировой кризис похож на распад советской системы. Значит, можно ожидать похожих сценариев дезинтеграции однополярного глобального мирового порядка и появления новых центров.

Возвращение к базовым ценностям

У долговременного системного кризиса своя шкала падения: кризис финансовый, кризис экономический, кризис социальный и, далее, политический. Эксперты осознают: социально-политическая стабильность становится самостоятельной ценностью, поскольку в условиях политического кризиса и социальных потрясений никаких системных антикризисных мер осуществить невозможно.

«На самом деле весь вопрос заключается в том, что сможет ли мир вообще выйти из этого кризиса. У меня сейчас уже возникли большие сомнения, что где-то в достаточно обозримой перспективе в течение трех или пяти лет это удастся сделать. И при этом не понятно, что будет дальше, — пять лет не выйдем, а что будет дальше — туман. Поэтому, если говорить просто о том, как пережить кризис, в этой ситуации, в одних странах раньше, в других позже станет вопрос о базовых ценностях, то есть об удержании социально-политической стабильности».

Олег Григорьев, экономист, Россия

Получается, что при оценке эффективности антикризисных действий правительств на первый план выходят неэкономические показатели: удастся или не удастся удерживать социальную и политическую стабильность. Та или иная система мер, направленность действий может быть экономически выигрышной, но создавать такие социальные риски, что от нее приходится отказываться. Определяющим фактором в возможности осуществлять антикризисные меры оказывается ЗАПАС ПРОЧНОСТИ ГОСУДАРСТВ. Чем устойчивее политический ре-

жим, тем большую свободу и больший выбор в антикризисных мерах он может себе позволить. Ситуация заставляет ведущих политиков задуматься о «тылах», о механизмах укрепления режима при объективном падении жизненного уровня населения. В связи с этим неизбежна переоценка таких моделей, как «авторитаризм» и «демократия». Какое государство лучше пройдет острые фазы кризиса: авторитарно эффективное или демократически неэффективное?

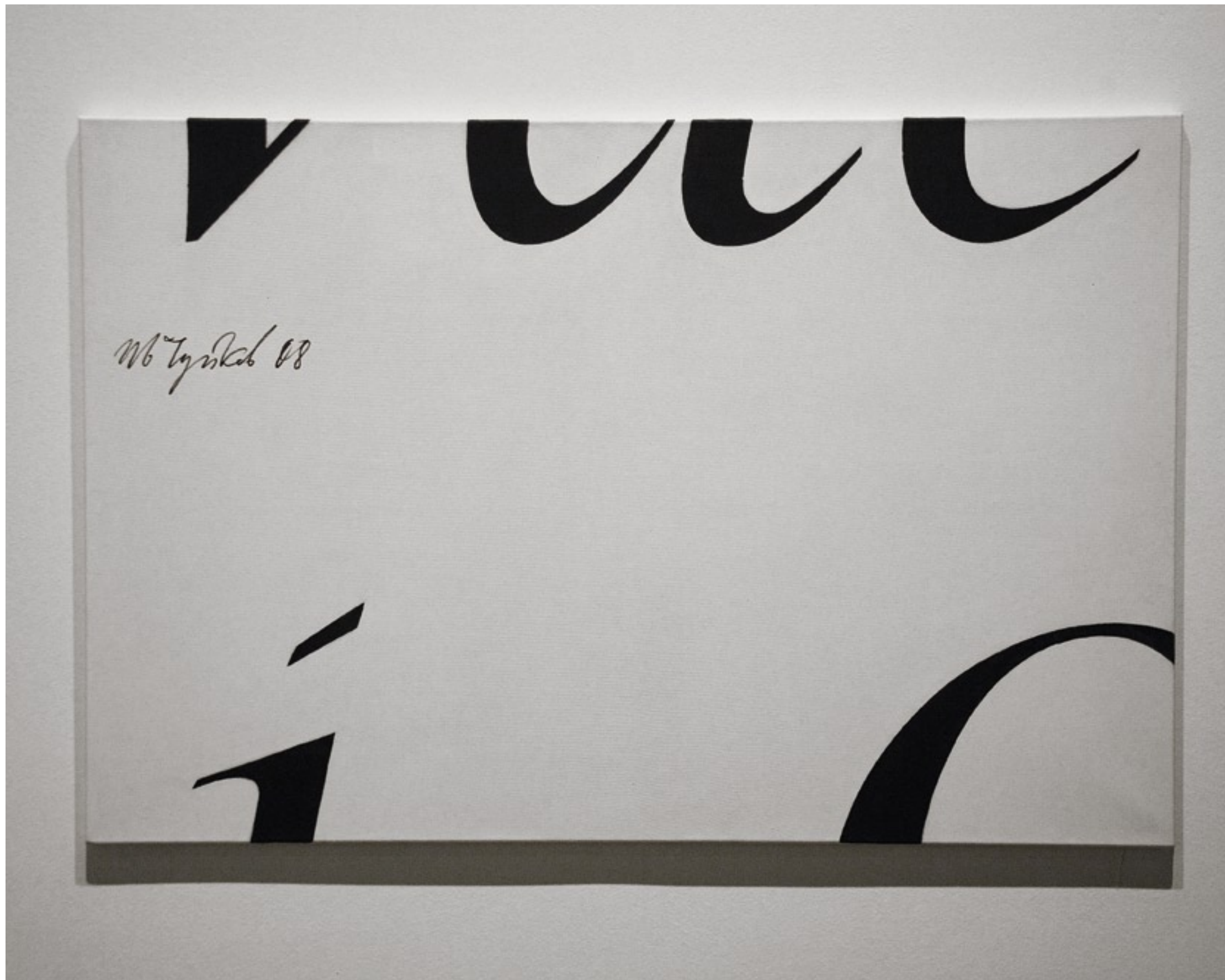
Примат политической воли

В ходе мирового кризиса подорвано доверие экспертов к экономическим институтам и экономическим инструментам анализа. Подорвано доверие к рейтинговым агентствам и формальным статистическим показателям. Привычные экономические индикаторы недостоверны, «стрелки сбились». В таких условиях идет обостренный поиск новых показателей успеха или неуспеха, доверия или недоверия, эффективности или неэффективности. Эксперты и экономисты все чаще обращают внимание на неэкономические факторы противодействия кризису. Ключевыми становятся факторы политической воли в проведении антикризисной политики, факторы солидарности, единства и сплоченности нации — те же факторы, которые определяют успех в войне. Первенство политики над экономикой — важный тренд в размышлениях экспертов. Кризис экономический, а выход из него все чаще видят политическим. Недостаточность экономических действий — характерная особенность нынешнего кризиса.

«Я полагаю, что должны идти параллельно и экономические, и организационно-политические меры».

Гани Калиев, политик, Казахстан

Последние полгода дают немало примеров «сбоя» управления в разных странах. В рамках докризисных управленческих моделей самые продуманные экономические программы просто не удастся реализовать.



Иван Чуйков VOID
Галерея «Риджина», 2008



Иван Чуйков VOID. Галерея «Риджина», 2008

Михаил Горбачев обобщил 20-летний опыт постСССР одним простым принципом: ВСЕ УПИРАЕТСЯ В ПОЛИТИКУ.

«Я думаю, что все упирается в политику. Кстати, и в мировую политику. Только через нее можно прийти к замене институтов, которые где-то когда-то создавались: и финансовые, и валютный фонд. Все это уже прошлое, поэтому не работает, не действует. Так и у нас в стране, антикризисные меры, которые без поддержки и без инициативы по линии политики не работают. Значит, с политикой у нас не все в порядке».
Михаил Горбачев, выступление на Антикризисном совещании бизнеса, Москва, 25 февраля 2009 года.

Возвращение патриотизма

Нематериальная, но действующая сила идеологий снова в цене. Эксперты снова заговорили о нематериальных факторах успеха страны. В этом состоит сильное напоминание о советском опыте. Возвращается понимание патриотизма как действующей организующей силы. Эксперты понимают: востребован не национализм, а патриотизм, позволяющий мобилизовать и объединить страну. Пока не найдена «формула» нового патриотизма. Поиск идет. На идее патриотизма пытаются выстроить антикризисные меры и США, и Китай, и Россия, и Казахстан. Украина мечется между патриотизмом и национализмом. Европа — между патриотизмом и «европейской идентичностью».

«Кризис можно временно разрулить техническими средствами. Но кризис выявил, что наше общество внутренне не целостное. Нет скрепок, которые бы соединяли в минуты трудностей, серьёзных испытаний. Всё это рассыпается при малейшем соприкосновении с настоящими проблемными зонами. Идеология нужна. Идеологии нет, миссии нации нет, патриотизма реально-го нет, вот эта ниша между властью и обществом, она как пропасть. А бизнес внутри этой пропасти находится. Ведь, чем ещё можно промотивировать, простимулировать людей, которые почувствовали необходимость на какой-



Иван Чуйков VOID. Галерея «Риджина», 2008

Дефрагментация
постсоветского пространства

Обобщая размышления экспертов о том стремительном процессе изменений, который набирает ход на постсоветском пространстве, мы пытались найти базовую метафору. Оказалось, что старые слова «интеграция» или «деинтеграция», «стабильность» или «нестабильность» — не подходят для описания. Важные новые факторы: появление новых

центров, примат политики над экономикой и перерастание экономического кризиса в политический процесс изменений, динамичные изменения самих государств по мере осуществления антикризисных действий правительств, требуют новых слов и новых образов.
Представляется целесообразным позаимствовать базовую метафору из терминологии программистов. «Дефрагментация — процесс обновления и оптимизации логической

структуры раздела диска с целью обеспечить хранение **файлов** в непрерывной последовательности **кластеров**. После дефрагментации ускоряется чтение и запись файлов, а следовательно и работа программ».
Нечто подобное происходит на поле постСССР: наряду с разрушительными волнами кризиса идет внутренний процесс оптимизации логической структуры (поиск моделей эффективности бизнеса и государственного управления).

«Лидерами в выходе из кризиса окажутся те государства, в которых произойдут наиболее радикальные социально-экономические преобразования, в результате чего станет возможной действительно антикризисная политика».
Колташов Василий Георгиевич, руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).